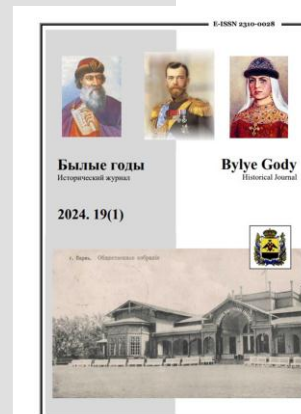

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(1): 278-289
DOI: 10.13187/bg.2024.1.278

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Expulsion from the Poorhouse in the second half of the XIX – early XX centuries (based on Materials of Siberia)

Alexander S. Kovalev ^{a, *}, Nikolai R. Novosel'tsev ^{a, d}, Dmitry V. Rakhinsky ^{a, b, c}, Oleg I. Savin ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russian Federation

Abstract

This research based on the previously obtained results of studying the social care of disabled and elderly people in Siberia in the XIX – early XX centuries, it used previously unpublished archival materials. This study deals with the process of expulsion of disabled citizens from charitable institutions. Historiographic analysis shows that this aspect of the daily life of the poorhouse has been fragmentarily considered by historians of public charity, who believe that the exception was a rather rare and exceptional fact. While agreeing with their position in principle, it should be noted that each case of expulsion was unique and required a detailed investigation. Microhistoric analysis combined with a historical and anthropological approach, which are used to study the internal processes in the poorhouse, make it possible to consider the grounds for dismissal of those under consideration and the exclusion procedure itself, as well as to identify different types of objective and subjective reasons why disabled and elderly people left the institution.

The conducted research suggests that those admitted to the poorhouse did not realize the degree of their own material wellbeing and security in conditions when society could not offer other forms of social assistance, easily parting with the received place in it. At the same time, the expulsion from the poorhouse became a serious life test for those who inadvertently left the institution itself, or were dismissed by the administration of the almshouse by the decision of the Board of Trustees, since there were very few opportunities to return to the almshouse, which doomed a disabled person or an elderly person to a beggarly existence.

Keywords: poorhouse, public charity, disabled people, elderly people, expulsion.

1. Введение

В XXI в. политики, представители общественности, ученые и практики, организаторы социальной работы с инвалидами и пожилыми людьми стали говорить о том, что российская модель помощи, перенявшая принципы советского социального обеспечения и представленная в основном помещением нетрудоспособных лиц в стационарные заведения (дома для престарелых и инвалидов), должна пройти процесс деинституционализации в том смысле, чтобы инвалиды и пожилые люди могли как можно дольше оставаться вне интернатных учреждений и получать помощь в домашних условиях. И сейчас нередко звучат призывы к тому, чтобы те, кто даже уже находится в специализированных учреждениях социального обслуживания, были возвращены в «естественную» социальную среду. При этом в качестве аргумента в пользу такого подхода довольно часто приводится опыт дореволюционной России, где якобы помощь в «открытом социуме» преобладала над институциональными практиками. Один из авторов настоящей статьи, А.С. Ковалев, вместе со своими коллегами, регулярно публикуя материалы

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin)

по истории социальной помощи инвалидам и пожилым людям в XIX веке на примере Сибири, неоднократно делал выводы о том, насколько значимым было общественное призрение в богоугодном заведении (Ковалев, 2011а; Kovalev et al., 2019а; Kovalev et al., 2019b).

Богадельня во второй половине XIX – начале XX вв. в России была основным институтом призрения одиноких и финансово несостоятельных нетрудоспособных граждан. Традиции семейной заботы об инвалидах и стариках постепенно разрушались (Kovalev et al., 2023b), и в условиях становления капиталистического общества, перехода к нуклеарной семье помещение нетрудоспособного человека, не имевшего родственников и не способного к труду, в богоугодное заведение становилось единственной возможностью для его выживания. Это прекрасно осознавали сами инвалиды и пожилые люди, которые просились в богадельню. Понимая, что других вариантов призрения для них не было, большинство обеспечиваемых в богадельне старались попасть в нее и сохранить за собой место. Однако наряду с процедурой приема в богадельню существовала и практика исключения из нее. Цели настоящей статьи – рассмотреть причины, по которым нетрудоспособные призреваемые исключались из богадельни; проследить перспективы возвращения в богадельню; определить степень адекватности принимаемых администрацией богоугодного заведения и Попечительским советом богадельни решений об исключении тех или иных лиц; обобщить и оценить имевшийся опыт.

2. Материалы и методы

Документальную базу исследования составили документы фондов, хранящихся в Государственном архиве Красноярского края (г. Красноярск, Российская Федерация), а именно фонд богадельни им. Т.И. Щеголевой в Красноярске (Ф. 166), который включает в себя документы об открытии богадельни, выстроенной на средства купчихи Т.И. Щеголевой, постановления и отчеты Попечительского совета богадельни, прошения нуждающихся о приеме на призрение, а также фонд Конторы Красноярских богоугодных заведений (Ф. 518), содержащий предписания Енисейского приказа общественного призрения, ежемесячные ведомости о лицах, находившихся в местных богоугодных заведениях, регистрационные журналы больницы и богадельни.

Основными источниками послужили личные заявления призреваемых в богадельне с просьбой об исключении из нее, сведения эконома (смотрителя, старшего врача) богоугодного заведения о лицах, выбывших по естественным причинам, личному желанию, в связи с нарушением дисциплины, заключения и решения Попечительского совета о (не)возможности дальнейшего пребывания призреваемого в богадельне или в доме для умалишенных.

Методологическим основанием исследования является антропологический подход, дополненный принципами парадигмы «социально-исторического детерминизма», отношения между людьми, которые складываются в процессе их совместной деятельности и вызывают определенное поведение (Орлов, 2012: 34). Также следует исходить из того, что антропологический компонент любых изменений связан с возможностью разных людей жить в гармонии с другими людьми. Установление порядка совместной жизни людей связано со стремлением упорядочить текущие процессы и придать им позитивный смысл, поэтому все изменения направлены на благо человека (Танатова, 2004).

Помимо этого, в работе была использована методика исторического анализа качества жизни в специализированных учреждениях социальной помощи, предложенная одним из авторов статьи, в которой А.С. Ковалев использует стандарты исследования качества жизни, модифицированные с учетом конкретно-исторических обстоятельств общественного призрения пореформенного периода и апробированные при изучении условий жизни призреваемых в сибирских богадельнях в 1870-1917 гг. (Ковалев, 2011с). В частности, в качестве определенных маркеров для исследования могут быть приняты такие характеристики повседневной жизни в богадельне, как степень уважения личных прав и достоинства призреваемого при совместном проживании; качество предсмертного и посмертного обслуживания, пристойное содержание тела усопшего, соблюдение обрядовых церемоний; возможность поддержания контактов с семьей, друзьями, представителями местного сообщества; право управления собственной жизнью, принятие самостоятельных решений, защита собственных интересов от посягательств со стороны других призреваемых и персонала заведения; деятельность руководства учреждения в интересах проживающих в соответствии с принятыми правилами или требованиями (Ковалев, 2011с: 77-79, 81).

3. Обсуждение

Н.Н. Ершен, характеризуя функционирование богаделен в XVIII в., пишет о том, что представители Сената проводили регулярные проверки богаделен для исключения из них тунеядцев. Как ни странно, неспособность трудиться была основной причиной исключения из богоугодного заведения того времени, но сама процедура исключения не изучается (Ершен, 2014: 92).

В ряде других статей рассматривается порядок управления богадельней и указывается, как именно было организовано исключение (увольнение) призреваемых. Так, решение принимали члены Попечительского совета в главе с городским головой или старшим членом Городской управы,

и только от них зависело, исключат ли того или иного человека. При увольнении богадельным призреваемым возвращались деньги и вещи, а в случае их смерти имущество передавалось по наследству. Или, если старики не оставляли завещания либо у них не было наследников, имущество продавалось, а полученные средства перечислялись в фонд богоугодного заведения (Ковалев, 2011а; Фирсанова, 2014; Кудряшова, Ерилина, 2017; Косолапова, Федорова, 2021; Крылов, 2023).

Также в некоторых публикациях подробно рассматривается одна из причин, которая могла привести к исключению призреваемого, – это его реальный или надуманный конфликт со смотрителем богадельни. Например, о противостоянии отставного чиновника, незрячего инвалида, помещенного в богадельню, и Уфимской городской управы, не желавшей рассматривать жалобу призреваемого на неудовлетворительное содержание стариков и инвалидов в богадельне, подробно рассказывает А.В. Гайсина (Гайсина, 2013: 346). Подобный конфликт анализируется в одной из работ А.С. Ковалева (Ковалев, 2011с). В ней рассказывается о том, как в Томской богадельне братьев Королевых некто К. Гудимович «в каждом призреваемом, не подчинявшемся его воле, видел пьяницу или дебошира и с завидным постоянством писал в Томскую Городскую управу рапорты о безнравственном поведении своих подопечных» (Ковалев, 2011с: 82), раз за разом увольняя их из богадельни. Один старик четыре раза исключался из богадельни и возвращался обратно только потому, что не нашел общего языка со смотрителем. Описывая повседневность богадельни, автор обращается к инструкции по заведыванию богадельней, в которой указывалось, что «при неисполнении правил внутреннего распорядка призреваемыми» следовало «делать виновным замечания, выговоры, лишать их права отлучаться из богадельни» и даже «за проступки, общему порядку противные... сообразно летам и состоянию здоровья» призреваемые должны были содержаться «на хлебе и воде или к употреблению в работе в самой богадельне», а исключение было крайне исключительной мерой (Ковалев, 2011с: 82). Когда смотритель богадельни поменялся, все несправедливо исключенные вернулись обратно в учреждение.

То, что увольнение из богадельни являлось самой крайней мерой, подтверждает А.Г. Любарец, который отмечает, что эта мера «применялась в случае самовольной отлучки из богадельни, не подтвердившейся жалобы на другого призреваемого, многократные нарушения правил богадельни. Также покинуть богадельню можно было по собственному желанию или при умопомешательстве, подтвержденном врачебным диагнозом» (Любарец, 2011: 303).

В статье «Общественное призрение пожилых людей в богадельнях в конце XIX – начале XX вв. (на примере г. Томска)» А.С. Ковалев со своими коллегами в 2019 г. уже задавался вопросами: «...В какой форме происходило исключение из богадельни? Как конкретно выгоняли пожилого человека, у которого не было ни угла, ни средств на пропитание? О чем думали в этот момент сам исключаемый, остальные призреваемые и сам смотритель? Как относились ко всей этой истории другие старики?» (Kovalev et al., 2019a: 1277). Однако на тот момент времени не было найдено источников, которые помогли бы ответить на эти вопросы. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

4. Результаты

Первая причина, по которой призреваемый покидал богадельню, т.е. фактически был исключен из нее, была вполне естественной, связанной со смертью пожилого человека (реже – инвалида). Чаще всего пожилые люди в богадельне умирали от следующих заболеваний: горячка, паралич, чахотка, водянка, катар желудка, редко – «от старости». По сути, такая формулировка означала, что у старика был «букет» заболеваний или же призреваемый на самом деле был настолько стар годами, что врач просто не устанавливал диагноз.

Частота смертей в богадельне Т.И. Щеголевой за 1880–1883 гг. согласно уведомлениям эконома представлена в следующей диаграмме (Рисунок 1).

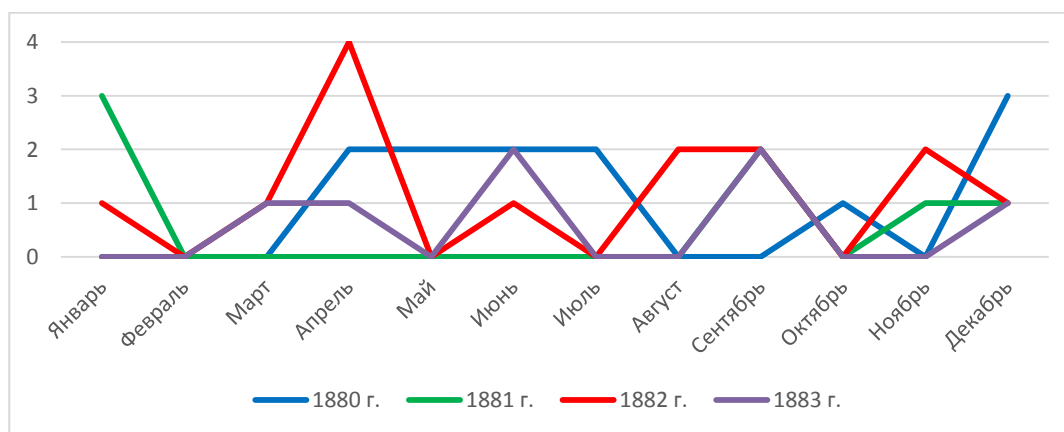

Рис. 1. Частота смертей в красноярской богадельне Т.И. Щеголевой (1880–1883 гг.)

Как следует из [Рисунка 1](#), смертность в богоугодном заведении была довольно низкой – от 7 до 12-14 чел. в год, т.е. в среднем 1-2 чел. в месяц. При условии, что в богадельне в начале 1880-х гг. одновременно проживало 40 чел., это составляет от 17 до 35 %. Иногда бывало, как в 1881 г., когда в течение семи месяцев не были отмечены случаи ухода из жизни, а порой случалось и так, что за один месяц умирали сразу 4 человека. Можно говорить об определенной «сезонности» смертности в богадельне, поскольку очевидно, что в зимние месяцы пожилые люди умирали чаще.

Чаще всего это были лица, которые уже поступали в богадельню с серьезным заболеванием и доживали в ней свой век. Так, крестьянка Частоостровской волости Марфа Арямова после того, как ее поразил паралич, четыре года пыталась попасть в богадельню Т.И. Щеголевой. Когда же ее, наконец, приняли, состояние здоровья женщины было таким слабым, что уже через полтора месяца она скончалась ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–12](#)).

51-летний красноярский мещанин Иван Михайлов страдал от порока сердца, по просьбе жены как своеобразный пенсионер был зачислен в богадельню и всего через месяц скончался ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 25](#)). Мещанин Чабанов уже при поступлении «замечен был в чахоточной болезни и день ото дня ему становилось хуже и хуже, так как к излечению болезни никаких лекарств» не было, и вскоре его не стало ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 31](#)). То же самое случилось с отставным коллежским секретарем Ф.Т. Ковригиным, который поступил в богадельню, будучи серьезно больным туберкулезом, и покинул ее, едва успев туда попасть ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 51](#)). В его случае интересно, что при исключении из богадельни «за смертью» в его «деле» была сделана приписка: «Был похоронен по христианскому обряду. Как он получал пенсию, то от него остался расчетный лист, по которому в счет пенсии было удержано за гроб, могилу, заказанную обедню, восковые свечи и прочее 7 руб. 15 коп.» ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 55](#)).

Всего два года прожил в богадельне престарелый отставной коллежский секретарь В.М. Яновский, паралич которого регулярно ухудшал состояние его здоровья. Но его «малозначительный пенсион 3 руб. 63 коп.» хватило только на минимально возможные ритуальные услуги ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 88](#)). Дело в том, что все призываемые при жизни писали своеобразное завещание в пользу богадельни, оставляя 3 руб., чтобы эконом мог их «употребить на похороны – на вынос и отпевание в церкви».

Впрочем, было и много таких, кто находился в заведении и достаточно продолжительное время и отправлялся на тот свет из-за проблем со здоровьем или в связи с преклонным возрастом. 8 лет проживала в Щеголевой богадельне Анфиса Богданова, скончавшись от катара желудка ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 16, 20](#)). Ф.П. Павлов был принят в возрасте 62 лет и скончался через 10 лет «от старости» ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 36-37](#)).

Конечно, случалось и так, что призываемые умирали неожиданно. Например, инвалид Богданов скончался от внезапного приступа после четырех лет пребывания в богадельне в возрасте 56 лет. После него осталась шкатулка с вещами, которую в соответствии с законом забрала его дочь ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 26, 31](#)). В других случаях, когда распоряжений о том, что делать с вещами покойных, не было, их могли передать родственнику (обычно супругу), если он тоже находился в богадельне, либо, что было чаще, раздать в присутствии эконома другим призываемым ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 130б](#)).

Говоря об исключении из богадельни по причине ухода человека из жизни, нельзя не остановиться на том, каков был предсмертный и посмертный опыт призываемых. Например, Томский городской врач в июне 1909 г. рассказывал, как его вызывали к умирающему старику: «...Заехав в богадельню часов в 7 вечера я застал Кузнецова еще живого... Означенный Кузнецов лежал на краю кровати на левом боку, причем большая часть левой половины туловища и лица помещалась в узком пространстве между кроватью и стеной... Оказалось, что [он] находится уже в предсмертной агонии. Пульс едва прощупывался, дыхание было хрипящим, больной был без сознания. Левая половина лица... была отекая, особенно левый глаз, на туловище с левой стороны были пролежни. Через 7 часов Кузнецов умер» ([Ковалев, 2011с: 77](#)).

Причиной смерти призываемого стал не столько паралич, сколько невнимательное отношение к состоянию его здоровья смотрителя богадельни, который вовремя не обратил внимание на то, что престарелый лежит в одной позе несколько часов, не своевременно вызвал врача.

Впрочем, не везде наблюдалось подобное отношение. Так, в Красноярской богадельне им. Т.И. Щеголевой человек, который чувствовал, что ему осталось недолго, просил эконома потратить оставшиеся у него средства (в том числе от продажи заведению своих вещей) «на разные прихоти, которые не может давать богадельня, как, например, на мед, бруснику, огурцы и прочее, что очень естественно, т.к. у больных является желание на какие-нибудь прихоти [при] жизни». В отчетах Попечительского совета также сообщалось о посмертной заботе, которую оказывали эконом и соседи призываемого: «Смерть призываемых большей частью бывает сознательная, из них почти никто не умирает без исповеди и причащения, многие соборуются. Похороны происходят достойно и назначаются сорокоусты» ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 31. Л. 16](#)).

Второй причиной, по которой призываемые покидали богадельню, было их собственное желание. Как и при поступлении в заведение, они писали прошение на имя городского головы,

являвшегося председателем Попечительского совета, с просьбой об исключении. Мотивы выхода из богоугодного заведения могли быть разными. Скажем, П.М. Касторский, который в 52 года просился в богадельню, поскольку «по старости и дряхлости и неизлечимой болезни... ни к каким работам не способен, а родственников, которые могли бы содержать, не имеет», был принят в нее, но уже через 11 дней, вероятно, столкнувшись с особыми условиями проживания, объявил, что нашел в себе силы пропитываться собственным трудом и попросил об увольнении (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 33-34).

Поселенка Агафья Куприянова, устроенная в богадельню за свой счет, будучи полностью слепой, попросила, чтобы для ухода за ней наняли особую прислугу. Попечительский совет разъяснил ей, что в правилах богадельни нет положений, разрешающих по случаю слепоты иметь для призреваемых особых нянек. Тогда женщина изъявила желание покинуть богадельню, что и сделала через две недели (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 70-71).

В обоих описанных выше случаях важно добавить, что подобное отношение к призрению поднимает вопрос о моральном выборе пожилого человека, поскольку, попадая в богадельню, он с большой вероятностью занимал место другого просителя, которому это место действительно требовалось, и вполне могло произойти так, что за эти 10-14 дней без помещения в богадельню такой человек мог значительно ухудшить состояние своего здоровья или вовсе погибнуть.

Два года находилась в богадельне Маремьяна Мартыновичева, но в 1878 г. неожиданно заявила, что у нее появились обстоятельства, «требующие ее на место родины», а также «по желанию побывать по Святым местам... она вовсе оставляет богадельню». Любопытно, что взята она была в богадельню «по неимению средств для пропитания», и откуда у пожилой женщины, два года получавшей казенное призрение, внезапно появились денежные средства для проживания и даже путешествия, остается только гадать (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 43, 46).

Летом 1877 г. супруги Кочергины написали прошение об исключении из богадельни, где проживали с ноября 1876 г. Вполне вероятно, что так старики переживали зиму (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 82). Впрочем, для временного нахождения в богадельне были другие основания, об этом речь пойдет чуть дальше.

Иногда призреваемый просто менял одно заведение на другое. Так, находившаяся на призрении в богадельне «девица 80 лет Екатерина Ивановна Многогрешнова, желая поступить в красноярскую женскую общину при монастыре, возвратив находящиеся у нее принадлежащие богадельне вещи все сполна, выбыла из богадельни по собственному желанию» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 31).

Вероятно, даже при том, что правилами богадельни был предусмотрен прием тех, кто не способен к труду, в реальной жизни «нетрудоспособный» пожилой человек не обязательно мог проживать всю жизнь в богадельне. К примеру, находившаяся на призрении в богадельне красноярская мещанская вдова, 63-летняя Прасковья Ключикова, добровольно выбыла из нее, получив место няньки в частном доме (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 33).

Иногда некоторые пожилые люди, стремившиеся попасть в богадельню, не зная о том, как на самом деле устроена в ней жизнь, представляли ее себе своеобразным «райским уголком», а когда оказывались в заведении и разочаровывались, пытались вырваться обратно и вести привычный, не связанный с выполнением требований устава богадельни образ жизни. Но чаще всего это было бродяжничество и сбор милостыни: «Призреваемый... самовольно отлучился из богадельни... и через несколько дней был найден у Собора в числе нищих, просящих милостыню, который на предложение смотрителя вернуться в богадельню отказался исполнить это предложение» (цит. по: Ковалев, 2011с: 97). Он заявил смотрителю, что недоволен условиями проживания, от призрения отказывается и просит его исключить.

Третьей причиной, по которой призреваемого исключали из богадельни, было неподобающее поведение или предосудительные поступки, противоречащие уставу богадельни. Самым популярным основанием для исключения по этому поводу была ситуация, при которой призреваемый самовольно отлучался из богадельни и возвращался в нетрезвом состоянии, а то и вовсе не возвращался, продав всю одежду, которая на нем была. Так, о находящемся на призрении в богадельне красноярском мещанине Е.О. Недоимцеве эконоом писал: «...Творит разные бесчинства, отлучается без спроса, возвращается пьяным, а когда было сдано замечание о самовольном отлучении, то он тайком ушел... и, захватив с собою принадлежащие богадельне вещи – рубаху холщовую, порты, брюки и пальто драповое и пальто суконное, картуз [нрзб] сапоги – всего на сумму 14 руб. 3 коп. и до сего дня не возвращался» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 28). Самостоятельный розыск «беглеца» успехов не принес, разве что выяснилось от других призреваемых, что им Недоимцев «говорил, что уходит из богадельни [нрзб] и что и сбывает [вещи]» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 28). Попечительский совет потребовал немедленно уволить Недоимцева, обязать полицию его найти и вернуть вещи, что и было сделано.

Нередкими были истории, когда один призреваемый забирал вещи другого, порой даже умершего призреваемого, самовольно отлучался в город, продавал там то, что унес, а деньги пропивал (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 59). Так, мещанка Анна Коновалова, будучи принятой, по свидетельству красноярской мещанской управы, в хорошем поведении, во время шествия на Троицу «со Св. Образом... надела на себя весь богадельный наряд, т.е. рубаху хозяйственную, пальто фланели

коричневой [нрзб] на вате, шаль черную, платок синий, ботинки и чулки и не возвратилась того же дня вместе с прочими» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 62). Когда прошло 10 дней, эконом стал подозревать, что она «позакладывала эти вещи, скрывается... под видом нищей. В течение этого времени о Коноваловой через служителей деланы розыски, и как следы ее были открыты, то о тех розысках... сообщили полицейскому управлению и, наконец через полицию ее... разыскали без вышеозначенной одежды» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 62). Женщину под присмотром препроводили обратно в богадельню и «на спрос ее, где одежда, она говорит, что имела запой, и что в том виде она свалилась и не помнит, кто ее обобрал. Но ясно доказывается, что она позакладывала все это и не хочет сделать в этом свое признание» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 62). Коновалову исключили и постановили: «Поскольку в богадельню принимают на основании ручательства в хорошем поведении, то местные власти должны обеспечить контроль людей, требующих сочувствия. Просить мещанскую управу [учитывать это] в ручательстве на будущее» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 62).

Некая Гликерия Темнова была исключена за то, что неоднократно замечалась в предосудительном поведении, хотя ее раз за разом оставляли в заведении. Терпение эконома и Попечительского совета лопнуло, когда в очередной раз она отпросилась на базар за овощами, а сама просила милостыню и «на базаре всем рассказывала, что в богадельне сидит голодом» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 11).

Типичной была и ситуация, когда призреваемого исключали за злоупотребление спиртными напитками и хулиганское поведение в богадельне. Отставной солдат Кондрат Потылицын неоднократно был замечен в нетрезвом виде, периодически самовольно отлучался из богадельни и, после очередного загула вернувшись в богадельню, «нанес страшные оскорбления... призреваемым». Эконом богадельни написал в Попечительский совет: «...Так как Потылицын неоднократно уже [предупреждался]... становится очевидным и для меня, и для призреваемых, с которыми он часто ссорится, что [он] должен быть уволенным» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 26-27).

А вот довольно редкий и любопытный случай, когда призреваемая даже не успела как-то себя проявить. Красноярская мещанка Авдотья Саминцева уже была принята в богадельню, но была исключена из-за поступившего на нее отзыва ее бывшего соседа, что она «женщина вздорного характера». Попечительский совет прислушался к мнению уважаемого члена мещанского общества и согласился уволить Саминцеву (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 5. Л. 25).

Важно отметить, что в случае «неподобающего» поведения эконома богадельни и Попечительский совет должны были отличить сознательное нарушение правил проживания от проявлений психического заболевания, хотя последнее также становилось еще одной причиной для исключения из богадельни и перевода в дом для умалишенных. Например, врач сообщил руководству богадельни им. Т.И. Щеголевой, что «находящийся на призрении в богадельне старик красноярский мещанин Ефим Поляков, 67 лет... страдает расстройством умственных способностей с потерей памяти и склонностью к разрушительным действиям и поступкам, которые беспокоят не только других призреваемых, но и могут быть небезопасными, почему... необходим постоянный надзор, каковой трудно осуществлять в заведении, не приспособленном для душевнобольных» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 159-161). На основании этого Попечительский совет с согласия Красноярской конторы богоугодных заведений исключил пожилого человека из богадельни с помещением в отделение для умалишенных при Красноярской городской больнице. Что интересно, в этом случае призреваемого перемещали вместе с казенными вещами, о чем делалось соответствующее распоряжение.

Как уже отмечалось в одной из предыдущих статей, некоторые призреваемые, у которых не было права на проживание в богадельне, не понимали, насколько им повезло иметь благодетеля, который был готов их содержать, как в случае с красноярским мещанином Красиковым, которого из-за границы содержал благотворитель И.С. Верещагин, уплачивая за него всю сумму и оставляя еще 10 руб. на удовлетворение частных нужд, но Красиков деньги пропивал, возвращался в богадельню нетрезвым и вел себя неподобающе, устраивая драки. Некоторое время эконом и Попечительский совет терпели Красикова, пока из Китая за него шли платежи, но когда призреваемый самовольно покинул заведение и стал нищенствовать, то немедленно был исключен (Kovalev et al., 2023a: 1874).

Находившийся на призрении в богадельне 83-летний Петр Матвеев периодически посещал своего друга Кабакова, для чего «был временно увольняем и всегда являлся аккуратно». Когда его друг скончался, то Матвеев изъявил желание навестить его сына. Был он у Кабакова-младшего или нет, неизвестно, но обратно в заведение он не вернулся, а еще через несколько дней его обнаружили собиравшим милостыню. Причина оказалась банальной: как и в прочих похожих ситуациях, Матвеев заявил, что вещи с него сняли в то время, когда он был пьян, и что после такого поступка он не мог явиться в богадельню.

Естественно, провинившегося старика исключили, но его случай стал показательным и отправным для изменения отношения администрации богадельни к временным отлучкам. Эконом Попов обратился в Попечительский совет с письмом, в котором отмечал, что его не устраивает «временное увольнение призреваемых к их знакомым и родственникам... Такие отлучки не удобны, ибо некоторые призреваемые, пропитывающие себя до поступления в богадельню милостынею,

не оставляют этой привычки» и, оказавшись снова вне стен заведения, «бывают вовсе не там, куда отпрашиваются. Такое поведение может навлекать на богадельню ложное [представление]» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 24. Л. 7-70б.). Эконом предложил временное увольнение призреваемых допускать тогда только, когда их родственники или знакомые будут лично о том просить, и на время отлучки выдавать им специальные билеты: «Такое дополнение ... даст возможность иметь наблюдение за призреваемыми во время их отлучки, тем более что призреваемые настолько всем обеспечены, что и отлучки их модно считать только прихотью» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 24. Л. 8-80б.). Предложение эконома было принято.

Следующей причиной, по которой призреваемые покидали богадельню, было возвращение в семью или переезд к родственникам. Например, мещанка Степанида Кочергина решила прожить у своего племянника, самовольно отлучилась из богадельни и автоматически была исключена из нее решением Попечительского совета (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 5). Некто Потылицина была принята на призрение в богадельню, но в течение месяца так и не явилась. Попечительский совет произвел расследование и выяснил, что ее приютили чужие люди, и из заведения уволил (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 16-160б.).

Мещанка Анна Ливиневская несколько лет находилась на призрении в богадельне, хотя у нее была дочь, но ее материальное состояние не позволяло содержать большую престарелую мать. Но как только она вышла замуж, и супруг был не против того, чтобы взять тещу к себе на пропитание, Ливиневская обратилась с просьбой отчислить ее из богадельни и уехала к дочери (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 12).

Интересной является история Марфы Бобровниковой. Вдова рабочего, прикрепленного к Алтайскому горному правлению, в прошении красноярскому городскому голове рассказывала, что, оставшись одна после смерти мужа она, «будучи одерживая болезнью, слабостью зрения, увечем правой руки», неоднократно просила поместить ее в богадельню Т.И. Щеголевой, но у нее было собственное жилье, и ее просьбу не удовлетворяли. Однако в ночь с 17 на 18 апреля 1881 г. в Красноярске случился знаменитый пожар, дом ее согрел, она осталась без крова и средств к существованию. У женщины были родственники в Барнауле, но «беспомощная старость, болезнь и недостаток» не позволяли ей к ним переехать. Она обращалась в разные общественные благотворительные организации, но ей нигде не помогли помочь, даже признавая ее «находящейся в критическом положении» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 27). Так продолжалось полгода, пока ее не приняли в богадельню, где М. Бобровникова прожила восемь месяцев. За это время она успела поправить здоровье, собраться с силами, а тем временем родственники нашли возможность ей помочь и приняли ее к себе, в результате чего она добровольно выбыла из богадельни.

Еще одной причиной исключения из богадельни могло стать несоответствие статусу призреваемого. К примеру, в августе 1876 г. в богадельню был принят красноярский мещанин 60 лет И.А. Филиппов. В своем прошении, как и все, он указывал, что не имеет родственников и средств для того, чтобы себя обеспечивать. Однако в декабре того же года Попечительский совет обнаружил, что Филиппов «имеет за собою бакалейное ремесло» и, «как усмотрено во время нахождения его в богадельне, Филиппов... в силах еще пропитывать себя», а потому «должен быть *отпущен на свободу*» (выделено нами – авт.) (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 58-59).

Другой похожий случай связан с тем, что во время одного из посещений богадельни Т.И. Щеголевой красноярский городской голова П.М. Прейн выяснил, что призреваемая Федорова утаила от Попечительского совета, что у нее есть взрослый сын, получавший жалование, достаточное для того, чтобы взять мать к себе на пропитание. Женщину из богадельни исключили (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 53. Л. 116-1160б.).

Также находящийся на призрении мог выбыть из богадельни на том основании, что он находился в заведении временно. К примеру, мещанка Д.М. Шишкина просила Иркутскую городскую управу поместить в богадельню своего престарелого мужа. Однако в процессе приема в учреждение выяснилось, что старик страдает неизлечимым заболеванием и требует направления в больницу. Но и там пожилого человека принять отказались, поскольку у него нашли старческий маразм, с которым могли принять только в дом для умалишенных. Мест в больнице не было, но после нажима губернатора руководство больницы все-таки согласилось принять пожилого мужчину на лечение, но только когда освободится койка. Тем временем мещанин Шишкин был помещен в богадельню «на непродолжительное время в виде исключения». Когда срок временного пребывания истек, жене Шишкина пришлось заново придумывать, как устроиться в больницу или призреть своего мужа (Kovalev et al., 2019b: 1542).

Еще одной причиной исключения призреваемого из богадельни было то, что его могли забрать на свое попечение посторонние люди. Так, в 1879 г. некий мещанин С.А. Кошков обратился с просьбой забрать из Красноярской гражданской богадельни офицерского сына П. Васильева. Он обязался принять инвалида «на свое призрение... пропитывать и содержать до смерти... и до прошения милостыни не допустить, а в противном случае подвергать себя ответственности перед правительством» (цит. по: Kovalev et al., 2019b: 1541). Передача инвалида из богадельни на попечение частного лица представляла собой несколько этапов. Во-первых, представитель Енисейского приказа

общественного призрения определял, есть ли у потенциального попечителя средства для содержания призреваемого, о чем делал запрос в городское полицейское управление, откуда должна была прийти бумага о финансах попечителя, наличии дома, собственного хозяйства и т.п. Далее выяснялось, есть ли у инвалида право на получение пенсии, и если таковое было, то препятствий для передачи не было. В случае с инвалидом П. Васильевым оказалось, что он призревался за свой счет, и $\frac{2}{3}$ из его пенсии уходило на содержание в богадельне, а также у него была сберегательная книжка на солидную сумму в 200 руб. После передачи его на руки попечителю выплаты в счет богадельни прекращались, а книжка была выдана обратно на руки (Kovalev et al., 2019b: 1541-1542).

Наконец, в ряде случаев можно говорить о нескольких причинах, которые способствовали выходу из состава призреваемых. Так, находившийся на призрении с 28 апреля 1881 г. отставной унтер-офицер Я.В. Ковальский ходатайствовал о получении военной пенсии. Получив, решил оставить богадельню по собственному желанию. Однако стоит помнить, что человек, имевший достаточные средства, мог пропитывать себя самостоятельно. Кроме того, Ковальский, находясь в богадельне, регулярно конфликтовал с другими призреваемыми и, как иронично заметил эконоом, направляя бумаги о его отчислении в Попечительский совет, «уходом своим доставил всем удовольствие» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 58об.).

Красноярский мещанин А.Г. Илюхин, находясь в богадельне, отлучался без спроса из заведения, «неоднократно предавался пьянству и при своем крайне сварливом характере производил шум, не давая покоя [другим проживающим]». Эконом богадельни потребовал его исключить, присовокупив к основному и довольно клишированному тексту о нетерпимости подобного поведения в богоугодном заведении тот факт, что Илюхину было всего 56 лет, и он «может еще питаться своими собственными трудами, если уж находит средства на пьянство» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 19. Л. 11-11об.). Против него сыграли оба факта, и он был исключен из богадельни сразу по двум основаниям.

Призреваемый Шеголевской богадельни Бродников «не одиножды напившись пьяным, заводил разные неприличные ругательства, не могущие быть терпимыми в богоугодном заведении». Когда его в очередной раз предупредили, что он может покинуть заведение, в порыве гнева пожилой человек заявил, что и сам готов покинуть богадельню и уехать на родину в Ачинск. Эконом богадельни направил свое прошение и заявление Бродникова, а Попечительский совет, что показательно, имея, согласно правилам богадельни, право увольнять по собственному желанию или за предосудительные поступки, исключил старика именно за «непристойный поступок» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 50-50об.). Это обстоятельство было довольно значимым в том смысле, что вернуться обратно в богадельню тому, кто ушел из нее по своей воле, было проще, чем тому, кого из нее уволили за предосудительные поступки.

Следует добавить, что белье и одежду у Бродникова отобрали, выдали билет о его увольнении из богадельни, о чем уведомили Ачинского мещанского старосту. Но пожилой человек в Ачинск не уехал, а стал бродягой.

Кстати, что касается возвращения в богадельню, то здесь для бывшего призреваемого могло быть несколько вариантов. Так, в одном случае некая А.Ф. Целищева проживала с 1875 по 1877 гг. в богадельне и была исключена за предосудительные поступки, но снова «по бедственному состоянию и отсутствию родственников» просила принять ее обратно. Однако «ввиду того, чтобы не допустить вторично в среде призреваемых богадельни какое-либо нарушение спокойствия через сварливый неуживчивый характер Целищевой» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 24. Л. 1-2), Попечительский совет принял решение оставить ее прошение без удовлетворения.

Вторая ситуация связана с уже упоминавшейся призреваемой Федоровой, которую исключили из богадельни как имеющую родственника. Однако сын, на словах согласившийся принять мать к себе, на деле ее не кормил, денег не давал, ограничившись тем, что выделил ей угол в своем доме. Дважды городской голова писал Красноярскому мещанскому старосте, чтобы тот воздействовал на сына Федоровой, и обязал его давать матери полное пропитание, но в результате женщина снова попросилась в богадельню, куда ее, учитывая сложившуюся ситуацию, по личной просьбе городского головы П.М. Прейна повторно приняли (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 53. Л. 116-116об.).

Обычно Попечительский совет в отношении к исключенным проявлял твердость и решимость более никогда не допускать провинившихся в богадельню. Анализ архивных дел, в которых встречаются прошения о повторном приеме на призрение в богадельню, показывает, что удовлетворяли подобные прошения крайне редко, всего 2-3 раза за 30 с лишним лет. Одним из таких редких решений стало дело о возвращении в богадельню того самого А.Г. Илюхина, исключенного сразу по двум основаниям.

При рассмотрении дела выяснилось, что первопричиной увольнения Илюхина все-таки было «дурное поведение (пьянство)», но Илюхин, обратившийся с просьбой о принятии его вновь на призрение в богадельню из-за того, что «он по своему болезненному состоянию решительно не имеет никаких средств к существованию», обещал исправить свое дурное поведение. При этом за него заступился эконом богадельни, который, как оказалось, следил за Илюхиным после его исключения и предоставил удостоверение, что тот «испытывает крайнюю нужду, и он неоднократно раскаивался в

своей ошибке и делал обещания больше вина не пить» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 48-48об.). Эконом добавлял, что во время нахождения в богадельне Илюхин «был услужлив, только у пьяного характер сварливый, что можно устранить, не позволяя ему отлучек ни под какими предлогами», и что он может не только вернуться в богадельню, но и быть полезным для ухода за слепыми.

В результате Попечительский совет решил, что «по поступок не составляет большой важности ввиду раскаяния Илюхина в своей ошибке и обещания его ничего подобного более не повторять», и что Илюхин, оказывается, «был уволен лишь для примера прочим призреваемым», а потому «вполне заслуживает... снисхождения к сделанному им поступку и принятия его вновь на призрение в богадельню» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 4949об.).

Одним из условий возвращения просителя в богадельню было требование того, чтобы «он во время нахождения в богадельне вел себя безупречно и буде повторить вновь свой поступок, за который он был уже уволен, то он должен быть уволен из богадельни навсегда» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 49об.). Однако ни раскаяние, ни данные Илюхиным обещания, ни снисходительность членов Попечительского совета, ни доброе отношение к нему со стороны эконома богадельни не возымели должного действия. В скором времени его снова, на этот раз окончательно, исключили из богадельни за рецидив (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 58).

А вот история «со счастливым концом». С 1876 г. в богадельне Т.И. Щеголевой проживала краснорка В.В. Кучерова из поселенцев. В 1879 г. она заявила, что ей плохо живется в богадельне и попросила уволить ее по собственному желанию. Однако еще через год женщина снова обратилась с прошением принять ее обратно, теперь уже уверяя, что в богадельне ей жилось лучше. С учетом того, что за три года ни в чем предосудительном Кучерова замечена не была, поведения и нрава была хорошего, ее приняли обратно, и теперь она осталась в богадельне до конца своих дней (Ковалев, 2010: 105).

5. Заключение

Подводя итоги, следует сначала еще раз сказать о том, по каким причинам призреваемые в богадельне лица могли быть из нее исключены: 1) естественный уход из жизни, нередко связанный с длительным или коротким предсмертным периодом; 2) отказ от призрения по собственному желанию; 3) предосудительное поведение, особенно в отношении других призреваемых и персонала богадельни; 4) возвращение на попечение в семью или к родственникам; 5) несоответствие статусу призреваемого в богоугодном заведении (наличие родственников, средств к существованию и т.п.), часто определяемые постфактум; 6) временное нахождение в богадельне; 7) переход на попечение к сторонним благотворителям, а также при комбинации разных указанных причин.

Процедура исключения была длительной и крайне бюрократизированной. Даже выбывание по естественным причинам требовало оформления целого ряда документов от эконома богадельни, далее следовало представление всех бумаг в Попечительский совет, который на своем заседании принимал решение об увольнении из заведения. Действительно, это была исключительная мера, однако применялась довольно широко.

Если исходить из того, что нетрудоспособность сама по себе была социальным катастрофой в XIX – начале XX в., и наиболее вероятным способом совладания с проблемами, которые приносил статус инвалида или пожилого человека, было получение социальной помощи в условиях богадельни, то исключение из нее в большинстве случаев, не связанных со смертью призываемого или добровольным выходом из учреждения, также становилось если не катастрофой, то как минимум очень серьезным жизненным затруднением.

Можно условно поделить всех призреваемых, находившихся в богадельне, на две группы. И те, и другие не понимали, к каким последствиям может привести увольнение. Одни, к сожалению, не понимали, в каких условиях они живут, не воспринимали богадельню как учреждение с определенным режимом и требованиями, правилами поведения, несоблюдение которых могло повлечь за собой исключение из богоугодного заведения. У других же возникали определенные когнитивные противоречия, связанные с тем, как они себе представляли богадельню, и какой оказывалась жизнь в ней на самом деле. Они не осознавали, какой будет жизнь за пределами богадельни. Порой, выписавшись из нее по личному заявлению, полагали, что в случае чего могут вернуться, а этого не случалось. Поскольку возвращение в богадельню после исключения было большой редкостью, исключение или добровольный выход из учреждения означали почти всегда, что эта форма социальной помощи больше не будет доступной для нетрудоспособного человека.

Литература

Гайсина, 2013 – Гайсина А.В. Земская благотворительность в конце XIX – начале XX вв. (на примере Уфимской губернии) // *Политика и Общество*. 2013. Т. 3. С. 345-349.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Ершен, 2014 – Ершен Н.Н. Становление российского законодательства о регулировании труда социальных работников в России до XX века // *Труд и социальные отношения*. 2014. Т.25. № 7. С. 90-96.

Ковалев, 2011a – Ковалев А.С. Богадельня как институт общественного призрения пожилых людей во второй пол. XIX – нач. XX в. (на примере г. Красноярск) / *Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2011. № 21-2. С. 157-160.

Ковалев, 2011b – Ковалев А.С. Восприятие старости пожилыми сибиряками во второй половине XIX – начале XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-2(8). С. 92-99.

Ковалев, 2011c – Ковалев А.С. К вопросу о методологии исторического анализа качества жизни в учреждениях социального обслуживания // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-3. С. 75-83.

Ковалев, 2010 – Ковалев А.С. Условия и качество жизни пожилых людей в богадельнях Красноярск во второй половине XIX – начале XX в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 1. С. 102-105.

Косолапова, Федорова, 2021 – Косолапова И.С., Федорова М.В. Устройство, содержание и быт в арзамасских благотворительных учреждениях на примере общественной богадельни / *Православие и русская литература: сборник статей участников VII Всероссийской научно-практической конференции (27-28 мая 2021 г.)*. Арзамас, 2021 С. 266–273.

Крылов, 2023 – Крылов И.В. Дом призрения имени Ф.С. и П.И. Сергеевых: история создания и место в системе социального попечительства Бежецка Тверской губернии // *Studia Humanitatis*. 2023. № 2. С. 5-27.

Кудряшова, Ерилина, 2017 – Кудряшова А.С., Ерилина Ю.А. Развитие системы благотворительности в городе Арзамасе в XIX веке // *Таврический научный обозреватель*. 2017. № 5 (22). С. 30-33.

Любарец, 2011 – Любарец А.Г. Церковно-приходские благотворительные учреждения в Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. Т. 1. № 4. С. 301-304.

Орлов, 2012 – Орлов И.Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания М.: ВШЭ, 2012. 191 с.

Танатова, 2004 – Танатова Д.К. Антропологический подход в социологии М.: Дашков и К°, 2004. 264 с.

Фирсанова, 2014 – Фирсанова О.В. Благотворительные заведения немецких евангелическо-лютеранских приходов Санкт-Петербурга (середина XIX – начало XX века) // *Научное мнение*. 2014. № 9-3. С. 79-82.

Kovalev et al., 2019a – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Savin O.I., Savina E.V. Public Charity of the Elderly People in Poorhouses in the late XIX – early XX centuries (on the Example of Tomsk) // *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3. Pp. 1272-1280

Kovalev et al., 2019b – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Savin O.I., Savina E.V. Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society // *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1537-1545.

Kovalev et al., 2023a – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. Public Charity At Own Expense: «Svoekoshtnye» Boarders in an Almshouse the End of XIX - The Beginning of XX Century (The Example of Krasnoyarsk) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1869-1880.

Kovalev et al., 2023b – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. Destruction of the Family Model of Assistance and Support for Disabled Population in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Materials of the city of Krasnoyarsk) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 830-841.

References

Ershen, 2014 – Ershen, N.N. (2014). Stanovlenie rossijskogo zakonodatel'stva o regulirovanii truda social'nyh rabotnikov v Rossii do HH veka [The formation of Russian legislation on the regulation of labor of social workers in Russia before the twentieth century]. *Trud i social'nye otnoshenija*. 25(7): 90-96. [in Russian]

Firsanova, 2014 – Firsanova, O.V. (2014). Blagotvoritel'nye zavedeniya nemeck-kih evangelicheskolojuteranskih prihodov Sankt-Peterburga (seredina XIX – nachalo XX veka) Charitable institutions of the German Evangelical Lutheran parishes of St. Petersburg (mid-XIX – early XX century). *Nauchnoe mnenie*. 9-3: 79-82. [in Russian]

Gajsina, 2013 – Gajsina, A.V. (2013). Zemskaja blagotvoritel'nost' v konce XIX – nachale XX vv. (na primere Ufimskoj gubernii) [Zemstvo charity in the late XIX – early XX centuries (on the example of the Ufa province)]. *Politika i Obshhestvo*. 3: 345-349. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].

Kosolapova, Fedorova, 2021 – Kosolapova, I.S., Fedorova, M.V. (2021). Ustroistvo, sodержanie i byt v arzamasskih blagotvoritel'nyh uchrezhdenijah na primere obshhestvennoj bogadel'ni [Organization, maintenance and life in Arzamas charitable institutions at the public almshouse]. *Pravoslavie i russkaja*

literatura: sbornik statej uchastnikov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii (27-28 maja 2021 g.). Arzamas, pp. 266-273. [in Russian]

Kovalev, 2010 – Kovalev, A.S. (2010). Uslovija i kachestvo zhizni pozhilyh ljudej v bogadel'njah vo vtoroj polovine XIX - nachale XX vv. (na primere g. Krasnojarska) [Conditions and quality of life of elderly people in almshouses in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the city of Krasnoyarsk)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1: 102-105. [in Russian]

Kovalev, 2011a – Kovalev, A.S. (2011) Bogadel'nja kak institut obshchestvennogo prizrenija pozhilyh ljudej vo vtoroj pol. XIX – nach. XX v. [Almshouse as an institution of public charity for the elderly in the second half XIX – beginning XX century (on the example of Krasnoyarsk)]. *Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 21-2: 157-160. [in Russian]

Kovalev, 2011b – Kovalev, A.S. (2011). Vosprijatie starosti pozhilymi sibirjajkami vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Perception of old age by elderly Siberians in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2: 92-99. [in Russian]

Kovalev, 2011c – Kovalev, A.S. (2011). K voprosu o metodologii istoricheskogo analiza kachestva zhizni v uchrezhdenijah social'nogo obsluzhivanija [On the methodology of historical analysis of the quality of life in social service institutions]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 3-3: 75-83. [in Russian]

Krylov, 2023 – Krylov, I.V. (2023). Dom prizrenija imeni F.S. i P.I. Sergeevykh: istorija sozdanija i mesto v sisteme social'nogo popechitel'stva Bezhecka Tverskoj gubernii [F.S. and P.I. Sergeikh Charity House: the history of creation and place in the system of social guardianship of Bezheck, Tver province]. *Studia Humanitatis*. 2: 5-27. [in Russian]

Kudrjashova, Erilina, 2017 – Kudrjashova, A.S., Erilina, Y.A. (2017). Razvitie si-stemy blagotvoritel'nosti v gorode Arzamase v XIX veke [The development of the system of charity in the city of Arzamas in the XIX century]. *Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'*. 5(22): 30-33. [in Russian]

Ljubarec, 2011 – Ljubarec, A.G. (2011). Tserkovno-prihodskie blagotvoritel'nye uchrezhdenija v Jaroslavskoj eparhii v konce XIX – nachale XX v [Parish charitable institutions in the Yaroslavl diocese at the end of the XIX – beginning of the XX century]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 1(4): 301-304. [in Russian]

Orlov, 2012 – Orlov, I.B. (2012). «Chelovek istoricheskij» v sisteme gumanitar-nogo znanija [“Historical man” in the system of humanitarian knowledge]. Moscow. 191 p. [in Russian]

Tanatova, 2004 – Tanatova, D.K. (2004). Antropologicheskij podhod v sociologii [Anthropological approach in sociology]. Moscow. 264 p. [in Russian]

Исключение из богадельни во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Сибири)

Александр Сергеевич Ковалев^{a,*}, Николай Рзавич Новосельцев^{a,d},
Дмитрий Владимирович Рахинский^{a,b,c}, Олег Игоревич Савин^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

^d Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

Аннотация. В представленном исследовании на основе полученных ранее результатов изучения общественного призрения инвалидов и пожилых людей в Сибири в XIX – начале XX вв., а также с использованием ранее не публиковавшихся архивных материалов изучается процесс исключения из богоугодных заведений нетрудоспособных граждан. Историографический анализ показывает, что этот аспект повседневности богадельни фрагментарно рассматривался историками общественного призрения, которые полагают, что исключение было довольно редким фактом. Принципиально соглашаясь с их позицией, следует отметить, что каждый случай исключения был уникальным и требовал подробного разбирательства. Микроисторический анализ в сочетании с историко-антропологическим подходом, который применяется для исследования внутренних процессов в богадельне, позволяет рассмотреть основания для увольнения призреваемых и саму

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин)

процедуру исключения, а также выявить разные виды объективных и субъективных причин, по которым инвалиды и пожилые люди покидали богоугодное заведение.

Проведенное исследование дает основания считать, что лица, принятые в богадельню, не осознавали степени собственной обеспеченности и защищенности в условиях, когда общество не могло предложить другие формы социальной помощи, легко расставаясь с полученным местом в ней. В то же время исключение из богадельни становилось серьезным жизненным испытанием для тех, кто по неосторожности сам покинул заведение или был уволен администрацией богадельни по решению Попечительского совета, поскольку возможностей вернуться в богадельню было крайне мало, что обрекало инвалида или пожилого человека на нищенское существование.

Ключевые слова: богадельня, общественное призрение, инвалиды, пожилые люди, исключение.